

МОСКОВСКИЕ КАТОЛИКИ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО КОНЦА XVII ВЕКА

А. Н. Андреев,
*Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Российская Федерация*

В статье выявляется роль прихожан московской католической церкви в развитии межконфессиональных отношений, устанавливается значение московских католиков в формировании парадигмы европеизации русского общества конца XVII в. В контексте трансформирующихся межконфессиональных связей оценивается вклад католиков в развитие духовной и материальной культуры России. Автор делает вывод о том, что верующие московского костела в конце XVII в. оказали непосредственное, фиксируемое в источниках влияние на выбор путей российской европеизации и внесли положительный вклад в реализацию ранних модернизационных планов правительства. Являясь крупными агентами европейского влияния, московские католики еще до первых самостоятельных шагов Петра I своей деятельностью осознанно или интуитивно обозначали вектор будущей трансформации «Московии». Весьма велико было их значение в создании своеобразной социокультурной среды, в которой будущий Петр Великий вызревал как политик.

Ключевые слова: римские католики, католические церкви и общины, Москва XVII в., европеизация России, иноземцы и русское общество.

Системное изучение взаимоотношений римских католиков с институтами русского общества и отдельными его представителями на исходе XVII столетия до сих пор остается актуальной научной задачей. Ее решение позволит более четко определить религиозные параметры модернизационных процессов в России и, соответственно, глубже понять природу отечественной модернизации. Для России царствование Федора Алексеевича и регентство царевны Софьи, а также первое десятилетие «самостоятельного» правления Петра I, — это время тяжелого цивилизационного выбора. С одной стороны, сохранение православной идентичности требовало усиления мер против западного влияния и, как следствие, усугубления культурной и религиозной изоляции «Московии». С другой стороны, потребности технологического, военного и культурного развития «москвитов» обуславливали системное расширение взаимосвязей с западноевропейцами, невзирая на их «еретичество». Усиление контактов с «еретиками западного зловерия» [2, с. 20—26] определялось, казалось бы, уже сложившейся логикой развития Московского государства — к концу XVII столетия был накоплен большой опыт сотрудничества с «немцами» [36, с. 263—264]. Тем не менее этот опыт, лишенный религиозной составляющей, был явно недостаточным для масштабного привлечения иноземцев к перестройке общества и государства.

Католичество в XVII в. оставалось самой ненавистой в восприятии русских людей отраслью христианства. Отношение к «латинству» и его представителям недвусмысленно раскрывают разные источники. В 1689 г. высланные из Москвы иезуиты писали, что в Смоленске, «яко неприятные гости», они встретили неласковый прием со стороны мест-

ных жителей, так что «не могли себе приискать подворья» [28, л. 5]. Смоленский воевода на все их просьбы помочь ответил презрением, и «яко Ирод Христа (...) их видети возрадовахся» [28, л. 11]. Попытки ввести некоторые западноевропейские обычаи при царе Федоре Алексеевиче многими воспринимались как меры, прямо ведущие к распространению «ляцкой веры» [15, с. 12]. С особым ригоризмом идею религиозного повреждения России от католиков отстаивали старообрядцы, ассоциировавшие папу Римского с «идолом вавилонским», а западное влияние в разных сферах уподоблявшие явлению волка в овечьей шкуре. Анонимный автор «Поучительного слова противу римлян...» (около 1672 г.) писал: «последнее время пришло, и начали волки прибегати к стаду овцому, сиречь к царству Московскому» [29, л. 17, 24]. Традиционная русская культура оставалась носителем «антилатинского синдрома», появление которого обусловлено многими причинами — византийским влиянием, экспансионистскими настроениями папства, событиями Смутного времени и др. [1, с. 102—108, 410].

Наряду с этим переходный характер исторической эпохи, ознаменованной кризисом традиционализма в России, приводил к тому, что взаимоотношения с католиками становились все более противоречивыми: традиционное бытовое неприятие «латиня» в XVII в. часто соседствовало с дружеским общением с ними при дворе и не исключало прочных деловых связей. Это подтверждается широкой практикой социального взаимодействия с «москвитами» генерала Патрика Гордона [3, с. 162—172]. У отдельных лиц формировался позитивный образ католичества: например, «ближний боярин» В. В. Голицын весьма благожелательно был настроен к московской

латинской миссии, что видно из его переписки с цесарским чрезвычайным посланником в Польше Яном Жировским [27, л. 30—32]; очень хвалил католическую веру Б. П. Шереметев, а его дворовый человек А. А. Курбатов, будущий «прибыльщик» и финансовый советник Петра I, по непроверенным пока данным, был обращен в Риме «в латинство или унию» [26, с. 66]. Отметим, что не только вельможи, но даже представители городских низов в ряде случаев «не имели непреодолимой внутренней предубежденности против бытовых контактов с выходцами из Западной Европы» [24, с. 236—237, 246] и не всегда однозначно демонстрировали религиозную нетерпимость и ксенофобию.

Появление церковного прихода католиков в Москве в 1680-е годы, безусловно, стало следствием реализации политики, нацеленной на постепенное расширение сотрудничества с иноземцами. Российская элита уже тогда демонстрировала свою готовность к европеизации, однако нежелание юридически оформить религиозные свободы для иностранцев (в первую очередь именно для «папжцев») свидетельствует о том, что цивилизационный выбор еще не был совершен. Попытки осмыслить значение В. В. Голицына, А. С. Матвеева и других «западников» Посольского приказа в осуществлении этого выбора пока еще нельзя признать удовлетворительными, а проведенные исследования исчерпывающими¹. Роль же самих «еретиков» в развитии межконфессиональных связей, влияние их деятельности на модернизационные планы правительства и формирование мирных отношений с обществом вообще не становились предметом исследования. Между тем не приходится сомневаться в том, что выбор между двумя стратегиями развития страны (либо усиление ксенофобии и религиозной нетерпимости, либо последовательный отказ от них) зависел не только от политической воли и симпатий лиц, стоявших у кормила правления, но и от характера участия самих «латиняч» в жизни России. Католики многими своими качествами — поведением, тактом, готовностью к компромиссам, отношением к приютившей их стране, талантами, профессиональными достижениями, результатами социальной деятельности, — могли либо спровоцировать обострение межконфессиональных отношений, либо способствовать усилению толерантности в русском обществе. Новизна предлагаемой работы обусловлена обращением к этим малоизученным аспектам темы пребывания иноземцев в «Московии».

Ранее было установлено, что члены ядра московской католической общины в конце XVII в. имели большие возможности для влияния на общество в России [6, с. 6—13]. Руководствуясь уже описанной методикой отбора персоналий [6], попробуем проследить вклад наиболее видных католиков в развитие духовной и материальной культуры этого общества в контексте трансформирующихся меж-

конфессиональных связей, а также попытаемся оценить значение «иноверцев» в формировании парадигмы российской европеизации. В фокусе просопографического исследования будут находиться восемнадцать представителей общины, бывшие попечителями и старостами костела в 1684—1698 гг., — стекольный мастер Питер Бальдус, ювелир Логин (Клаудиус) ле Дитт, царский врач Грегор Карбонари, купцы Херман ван Тройен, Франческо Гуаскони и Джоаккино Гуаскони, а также офицеры русской армии Патрик Гордон, Джеймс (Яков) Гордон, Александр Гордон оф Охинтул, Казимир Граге, Дэвид Уильям Грэм, Александр Ливингстон, Джорджо Лима, Пол Мензис, Бартоломеус Ронаэр, Гавриил Турнер, Антон Шмалленберг и Рудольф Штрасбург. Из данного перечня католиков в контексте поставленных проблем изучена только биография и социальная активность генерала Патрика Гордона [25, с. 199—216; 3, с. 162—172].

Для большинства отмеченных лиц было характерно доброжелательное или даже очень теплое отношение к России и ее коренным жителям, сочетавшееся, однако, с чувством некоторого превосходства над «туземцами». Московские католики хорошо осознавали свою культуртрегерскую роль, о чем повествует историко-публицистическое сочинение, написанное одним из них, — «История Петра Великого» шотландца Александра Гордона оф Охинтула. Бывший царский генерал-майор, возвратившийся на родину в 1711 г., в своей книге восхвалял военный и административный гений Петра I, отмечал положительные итоги его преобразований, подчеркивая, что главным их мотивом было сохранение чести России и достижение ее блага [40, с. 141; 41, с. 265—270]. Без сомнений, себя А. Гордон причислял к сподвижникам царя, а значит, и свои усилия считал направленными на благо Русского государства. Рассуждая о прошлом и настоящем России, А. Гордон выражал твердую убежденность в необходимости внедрения в русскую армию иностранной дисциплины и европейских «манер», т.е. применения достижений западноевропейской военной науки [40, с. 21]. Не удержался он и от описаний собственных занятий с русскими солдатами, отметив, что за их обучение неоднократно удостоивался царской похвалы [40, с. 140].

Схожее восприятие России и русских следует из источников, освещающих деятельность и других московских католиков. Итальянский купец Франческо Гуаскони, сообщая венецианскому правительству о действиях русского флота под Азовом в июле 1696 г., так сопереживал успехам русского оружия, что отождествлял себя с русскими и писал: «наш флот» («...прибыл перед устьем реки Танай паша из Анатолии по имени Турноша, но, видя *наш флот* (...), отступил» [19, с. 300; 38, с. 87]). Ф. Гуаскони прожил в России около сорока лет и умер в Москве в 1708 г. [19, с. 291]. Вслед за ним (итальянский купец был одним из лидеров прихода) благожелательность к «москвитам» старались проявить и другие католики. Так, например, придворный врач Г. Карбонари, поначалу очень кичившийся своими умениями и знаниями, в течение долгих лет старался для блага «этой нации» и бесплатно лечил «всякого чина

¹ Есть ряд очень хороших работ на тему «западничества» русских вельмож последней трети XVII в., однако системное исследование их влияния на становление межконфессиональных связей в контексте цивилизационного выбора не проводилось [22, с. 61—72; 35, с. 173—174; 36, с. 826—834].

людей» [27, л. 65]. Полковник Дж. Лима запомнился современникам своим твердым характером, решительностью, смелостью и преданностью России, за что его уважали многие сослуживцы. И. А. Желябужский, описывая бой со шведами 18 июля 1702 г. у «Гумоловой мызы» (местечка Гуммельсгоф), в котором героически погиб Дж. Лима, отметил всеобщее воодушевление солдат, которые «стояли храбро и мужественно за дом Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, и за его государево пресветлое величество, и за веру христианскую, друг за друга единокупно умирали и смертную чашу друг за друга испивали» [17, с. 334]. Дж. Лима воспринимался мемуаристом как один из этих солдат, невзирая на его католическое вероисповедание.

Весьма позитивно был настроен к России Пол Мензис — шотландец, не раз демонстрировавший способность ставить благополучие и могущество чужой для него страны более высоко, чем личные амбиции. Именно это обстоятельство послужило тому, что в 1672 г. царь Алексей Михайлович счел нужным направить П. Мензиса с официальным визитом сразу к нескольким европейским дворам (в Берлин, Дрезден, Вена и Ватикан), поручив ему найти союзников в борьбе против турок. Выполняя свою дипломатическую миссию, П. Мензис всеми доступными средствами отстаивал легитимность царского титула русских правителей и, будучи на приеме у папы Климента X, нашел способ склониться от целования папской туфли — церемонии, унижающей, по его мнению, достоинство Российской державы¹ [34, с. 37]. При этом как католик П. Мензис, безусловно, весьма желал почтить понтифика таким целованием. Состоя в переписке со многими знатными лицами в Европе и поддерживая связи с влиятельными царедворцами ряда держав, этот шотландец в течение более чем двух десятилетий формировал позитивный образ России на Западе [34, с. 40—48].

Подобным отношением определялось желание многих католиков конструктивно взаимодействовать с разными общественными институтами в России и тем самым в рамках масштабной европеизации содействовать их развитию. Впрочем, существовали и примеры откровенного пренебрежения русскими и их страной. Например, сын Патрика Гордона Джеймс, унаследовавший от своего отца искусственно-благожелательные формы восприятия «московитов», в частном письме чистосердечно признавался: «Я каждый день все больше устаю от сей докучливой, пьяной придворной жизни и низкой нации, где не стяжать ни чести, ни богатств...» [33, с. 543]. Это признание, возможно, свидетельствует о тщательно скрываемом презрении к русским не только со стороны членов семьи Гордонов, но и немалой части иноземцев. При этом внешне общение всех вышепоименованных католиков с русскими людьми, конечно же, исключало негативизм и любые проявления недоброжелательства.

Наибольший вклад изучаемая группа католиков внесла в развитие вооруженных сил России и

¹ Впрочем, есть сведения, будто он так склонился к ногам папы, что невозможно было точно сказать, поцеловал он папскую туфлю или нет [43, с. 61].

победы русской армии. Уникальный специалист, полковник от артиллерии и военный инженер К. Граге был специально прислан Петру I из Бранденбурга после того, как царь попросил австрийского императора «выслать к нему сведущих в военной, инженерной и артиллерийской науках и искусных в ведении мин» [21, с. 238]. Фортификационные работы К. Граге обеспечили успех русских войск при взятии Азова в 1696 г., после чего Петр отправил императору благодарственное письмо за присланных офицеров и конкретно за «Крагге» [30, л. 690]. Этот немец знакомил Петра I с новейшими военными изобретениями, и монарх не раз испытывал восторг от проводившихся Граге испытаний пушек и бомб, что послужило фактором сближения артиллериста и царя [13, с. 69—70, 164]. В дальнейшем К. Граге занимался оснащением первых русских кораблей мортирами [21, с. 74] и героически погиб в сражении при Нарве [26, с. 79].

Весьма ценным военным специалистом — «подкопным мастером» — был также Дж. Лима, обучавший своему редкому ремеслу русских солдат [30, л. 692]. Во время штурма Азова, командуя галерами, он решил важную стратегическую задачу, не допустив к крепости турецкий флот, чем «много облегчил ея покорение» [11, с. 215]. При осаде Нарвы в 1700 г. Дж. Лима проявил немалый героизм, одним из немногих сохранив «честь и целостность своих полков» [39, с. 563; 11, с. 215] и «не дав шведам ни одного трофея» [9, с. 627]. 18 июля 1702 г. у местечка Гуммельсгоф он отразил натиск неприятеля и продержался до прихода фельдмаршала Б. П. Шереметева, в результате чего «... Шереметев одержал совершенную победу, но она была куплена чувствительною ценою, ибо первый ея виновник, де-Лима, пал в голове своего полка» [11, с. 215]. Дж. Лима был участником военных потех Петра, а главными «устроителями» потешных полков, со временем превратившихся в гвардию и ставших ядром российской регулярной армии, выступили П. Гордон, П. Мензис и Р. Штрассбург [34, с. 53]. Благодаря этим иноземцам «организация потешных получила к 1688 г. явственный западноевропейский отпечаток» [34, с. 632]. Важно отметить, что указанные лица сыграли ключевую роль в создании и поддержании особого канала проникновения в Россию западноевропейских военно-инженерных идей — так называемого «милитарного интеллектуализма», способствовавшему интеллектуальному выбору нашей страны в пользу европейской учености [20, с. 46—47].

Впрочем, далеко не все военные из числа «старост» московской латинской церкви были яркими и талантливыми специалистами, способными своей работой обеспечить качественный скачок в развитии российских вооруженных сил. Существенного значения не имела служба генерал-майора Д. У. Грэма и подполковника (затем полковника) Дж. Гордона. Незначительны были, по-видимому, и заслуги Б. Ронара и Г. Турнера — во всяком случае, известные нам источники не отразили их труды и достижения. Рядовую (рутинную) работу выполняли полковники А. Гордон оф Охинтул и А. Ливингстон, погибший затем при взятии Азова [10, с. 405—406]. Последний,

правда, ценился как фортификатор (по его проекту были построены Софийские ворота Киевской крепости около 1687 г. [33, с. 511]). Еще один католик, полковник А. Шмалленберг, какое-то время служил в восточной Сибири на границе с Китаем, где была острая нехватка умелых офицеров, — он упоминается как свидетель или участник русско-китайского вооруженного конфликта [26, с. 63]. Вовлеченность этих людей в преобразовательные процессы была намного меньшей в сравнении с отмеченными выше «латинянами», буквально стоявшими у истоков российской европеизации.

В России конца XVII столетия выбор европеизационной стратегии развития во многом зависел от поддержки иностранными наемниками Петра I — не только в первых модернизационных опытах монарха, но и в его борьбе со стрельцами. Московские католики деятельно способствовали этому выбору, утверждая Россию на путях европеизации. Так, помимо П. Гордона, активными участниками подавления стрелецкого мятежа в июне 1698 г. были уже упомянутые Дж. Лима и К. Граге. В решающем бою у Новоиерусалимского монастыря П. Гордон командовал Бутырским полком, Лима — Лефортовским, а Граге возглавлял артиллерию [7, с. 327]. Последний проявил большое мужество и усердие — огонь его батареи фактически решил судьбу сражения, расстроив стрелецкие ряды и посеяв среди бунтовщиков панику [21, с. 171—173].

Давно известно, что некоторые иноземцы — в первую очередь Ф. Лефорт и П. Гордон — оказали сильнейшее идейное и культурно-бытовое влияние на самого Петра I, способствуя формированию его европоцентристской позиции. Недавно была высказана точка зрения, будто данное влияние проявилось позднее, чем принято считать — только после династического кризиса 1689 г. За этим неизбежно следует вывод, что «европеизация Петра I началась сравнительно поздно» [25, с. 215]. Однако до сих пор остается нерешенным вопрос об участии в «европеизации» царя и русской элиты П. Мензиса — одного из лидеров московской католической общины, которого французский дипломат Ф. де ла Невилль прямо называет «гувернером» Петра: «Алексей Михайлович незадолго до своей кончины назначил его гувернером к своему сыну, юному принцу Петру (*le déclara Gouverneur du jeune Prince Pierre son fils*), с которым он и занимался до начала царствования царя Иоанна...» [18, с. 429; 42, с. 9]. Факт назначения П. Мензиса наставником и воспитателем царевича не доказан (Невилль мог ошибаться или вводить в заблуждение), вместе с тем многие историки прошлого (И. Е. Забелин, С. Ф. Платонов и др.) склонялись к мысли о действительной возможности обучения П. Мензисом Петра — не наукам как таковым, а, например, солдатскому строю [34, с. 52]. Н. В. Чарыков признавал весьма вероятным посредничество П. Мензиса в ходе обучения царевича обращению с новейшим западноевропейским оружием [34, с. 53—55]. Был сделан вывод о том, что П. Мензис являлся первым иностранцем, приближенным к царевичу, и «имел на Петра хорошее, но недостаточно продолжительное культурно-педагогическое влияние, в особенности в

сфере его военных «потех» и в деле его сближения с другими иностранцами» [34, с. 647] (например, с Ф. Лефортом, которому шотландец покровительствовал). Подтверждением давних дружеских связей, существовавших между П. Мензисом и Петром I, является участие царя в жизни иноземца после выхода последнего в отставку, когда между ними уже не было дел и официальных сношений [12, с. 82, 137, 145, 308].

Московские католики как минимум с 1670-х годов способствовали установлению между Россией и странами Западной Европы разнообразных связей — дипломатических, культурных и экономических. Примером служит деятельность того же П. Мензиса, во время официального визита к европейским монархам (1672—1674) сосредоточившегося на решении «восточного вопроса». Как известно, союзников в борьбе с Турцией П. Мензис не обрел (на царскую грамоту везде был дан «дружественный, но уклончивый ответ» [34, с. 31]), однако миссию русского шотландца необходимо оценивать не только по ее внешнеполитическим результатам (более чем скромным), но и по тому значению, какое она имела для «поворота России к Европе». Дипломатическая миссия П. Мензиса, в основе которой лежала идея объединения христиан против турок, видимо разрушала принцип православного изоляционизма и ярко свидетельствовала о росте «европеизационных» настроений у русского правительства. Немаловажно и то, что благодаря П. Мензису были возобновлены утраченные к тому времени связи России с папским престолом, столь раздражавшие староверов [34, с. 39]. Велика заслуга этого шотландца-католика в признании русских правителей царями: через Наксиаванского архиепископа Себастьяна Кнабе, бывшего с дипломатическим поручением в Москве в 1684 г., а также при посредничестве московского иезуита Ш.-М. Вота, П. Мензис добился того, что папа Иннокентий XI первым из европейских владык признал законность царского титула Иоанна и Петра Алексеевичей [34, с. 46]. Кроме того, Мензис стал одним из первых вербовщиков иностранных гражданских специалистов — ему было поручено нанять за границей музыкантов-трубачей, рудознатцев и металлургов («плавильщиков») [34, с. 28].

Большое участие в налаживании российско-европейского сотрудничества принял итальянский неготиант Ф. Гуаскони, являвшийся неофициальным агентом Венецианской республики в Москве. Этот купец не только информировал венецианское правительство о происходивших в России событиях, но и выступал посредником в сношениях россиян с Венецией, ибо в Москве тогда еще не было официальных представителей от итальянских государств [19, с. 294—295; 38, с. 84]. В июле 1696 г. Петр I обратился к руководству республики св. Марка с просьбой предоставить сведущих «судовых мастеров» для потребностей начинающегося русского судостроения. Венеция быстро откликнулась на просьбу, прислав тринадцать кораблестроителей во главе с капитаном Джакомо Моро, которым предписывалось поддерживать связь с родиной через Ф. Гуаскони [38, с. 94—96]. При этом братья Гуаскони (Франческо и Джоаккино) представляли собой

крупнейшую флорентийскую торговую компанию «Самминиаги-Гуаскони», обеспечивавшую обоюдо-выгодный российско-итальянский товарообмен [38, с. 60]. Вклад Ф. Гуаскони в развитие экономических взаимосвязей хорошо прослеживается на фоне деятельности других купцов католического вероисповедания, вообще весьма малочисленных [21, с. 239]. Так, входивший в состав инициативного ядра московской латинской общины нидерландец Х. ван Тройен, по-видимому, большой роли в развитии российской торговли не сыграл, хотя много лет и занимался экспортом разных русских товаров — вывозил поташ и смольчуг [14, с. 101—102].

Меньше всего католики Москвы проявили себя в ходе развития гражданских технологий, а также в сфере художественной культуры, что объясняется безусловным преобладанием в общине военных и небольшим числом ремесленников и лиц творческих профессий [5, с. 9—11]. Этим московская община конца XVII в. существенно отличалась от объединения петербургских католиков следующего, XVIII столетия, куда входили прославленные архитекторы, скульпторы и живописцы — такие, как Д. Трезини, Б.-К. Растрелли, Л. Каравак, Н. Пино, Г. Кьявери, Н. Микетти, Б.-Ф. Растрелли, А. Ринальди и др. [4, с. 148—153]. Это же обстоятельство доказывает тот факт, что российская модернизация на раннем этапе затрагивала преимущественно военную сферу и лишь затем, с началом нового века, стала охватывать различные области духовной жизни общества. В источниках никак не прослеживается влияние «золотого дела мастера» Л. Ле Дитта на становление отечественного ювелирного искусства. Чуть больше информации мы имеем о профессиональной деятельности голландца П. Бальдуса, вместе с другими иноземцами стоявшего у истоков русского художественного стекла. П. Бальдус был ведущим «кристалльным» и «фигурным» мастером государева стекольного завода в Измайлове, основанного еще в 1668 г. по указу царя Алексея. Завод этот воспринимался как одно из крупнейших промышленных «заведений немцев» [32, с. 70], принесших с собой «культуру европейского стеклоделия середины XVII в., названную “виницейской манерой”» [23, с. 276].

В силу слабого развития врачебного дела в России и попыток уже в конце XVII столетия организационно оформить медицину в качестве самостоятельной социальной сферы (путем развития медицинского образования, вовлечения служащих Аптекарского приказа в работу по охране здоровья разных категорий населения и иных мер [37, с. 2]) можно было бы ожидать участия в этих важных процессах Г. Карбонари. Этот австрийский врач упоминается в качестве одного из самых образованных иностранцев в России [21, с. 202], однако, будучи опытным специалистом, существенного вклада в формирование российской медицины он все же не внес. В работе петровских медицинских школ и госпиталей он никак себя не проявил, лишь в дальнейшем, помимо пользования частных лиц, по поручению царя занимался освидетельствованием военнослужащих от Военной и Адмиралтейской коллегий [16, с. 46].

Представители московской католической общины гораздо более проявили себя в ходе европеизации бытовой культуры русского общества, значительно облегчив его западноевропейскую аккультурацию. С генералом П. Гордоном и полковником Р. Штрассбурггом справедливо связывать начало бытовой европеизации Петра I [25, с. 210]. Согласно свидетельству А. Гордона оф Охинтула, быстро свершившееся преобразование русской нации (бритье бород, распространение британской, французской и немецкой моды в одежде и т. д.) стало не только результатом энергичных действий Петра, но и иностранного влияния («к удовольствию молодых людей») [40, с. 141—143]. Католики вместе с другими иностранцами несли новые формы организации досуга — в частности, отмечен факт устройства полковником К. Граге пикника («народного отдохновения») в Сокольниках, в ходе которого расставлялись столы, а участники праздника, насытившись, проводили время «в невинных играх под сенью деревьев среди приятной зелени» [21, с. 71]. Такие «немецкие столы» по очереди устраивали и другие иностранцы (обычно 1 мая и 1 июня, отмечая приход цветущей весны и лета), причем русские в дальнейшем переняли этот обычай [31, с. 295]. Невозможно переоценить роль П. Гордона и П. Мензиса в приобщении россиян к западноевропейским этическим нормам и обычаям проведения светских раутов. Богатейший дом генерал-майора П. Мензиса в Немецкой слободе, построенный и обставленный за счет приданого его второй супруги Маргариты Марселис, задавал тон придворным развлечениям, способствуя укоренению в России культуры ассамблей. Даже после смерти П. Мензиса (скончался в 1694 г.) его дом, которым продолжала владеть вдова генерал-майора, оставался одним из мест общественных развлечений — в 1702 г. в нем справляли придворную свадьбу в присутствии царя Петра [8, с. 427].

Приходские деятели московского костела лично способствовали налаживанию мирных межконфессиональных отношений в России, прививая новые формы взаимодействия православных и западных христиан. Особенно важны в этом плане социальные инициативы генерала Патрика Гордона, обстоятельно проанализированные в специальной работе [3, с. 162—172]. При этом не следует забывать об активной деятельности П. Мензиса по воспитанию веротерпимости при русском дворе. Согласно указу Алексея Михайловича от 26 октября 1675 г., состоявшемуся по докладу П. Мензиса, последнему было поручено выписать из Рима «персоны» (т.е. изображения) «всем римским церквам, дворцам и иным достопримечательностям, с обозначением их меры в ширину и длину, с указанием, в котором году и при котором цесаре и папе костелы и в костелах святых мощи положены» [34, с. 56]. П. Мензис выполнил поручение при содействии своего друга, аббата Помпея Скарлатти, уже тогда имевшего некоторый вес при папском дворе. Вообще шотландец являлся главным специалистом «по римским делам» в Московии: он давал всем интересующимся необходимые справки о культуре, церковных обычаях, костельном строительстве в Риме и даже написал специальную записку «О начале Рима и обык-

ности римской», приложенную к «костельным и домовым образцам» и имеющую характер научно-популярного сочинения [34, с. 553—554]. Возможно, именно П. Мензис первым познакомил царевича Петра с католическим миром Запада, его культовыми и духовными традициями [34, с. 554]. Не подлежит сомнению, что во время визита с дипломатическим поручением к папе Римскому П. Мензиса в первую очередь интересовала церковная сторона его миссии, а не военно-политическая — он страстно желал установления между Москвой и Римом «правильных дружественных сношений» [34, с. 528].

Согласно Невиллю, П. Мензис имел от царя Алексея тайное поручение достигнуть церковной унии: «Не сомневаясь более в его верности, царь послал его в Рим в 1672 г. сделать папе Клименту предложение относительно соединения русской и латинской церквей на некоторых условиях» [18, с. 429; 42, с. 9]. Конечно, русский самодержец не мог дать подобное поручение, т.к. оно противоречило не только логике тогдашних взаимоотношений с папским престолом, но и политическим интересам России. В русских правительственных кругах не было сторонников унии¹, немного их было в то время и в Ватикане, поэтому униональная инициатива, если она в действительности имела место, могла исходить преимущественно от П. Мензиса [34, с. 528—529]. Шотландец « всю жизнь сожалел о том, что возложенная на него попытка установить прямые сношения между Москвой и Римом не увенчалась успехом вследствие чрезмерного формализма и подозрительности тогдашнего папского правительства» [34, с. 527].

Неантагонистическое отношение к русской вере со стороны московских католиков можно проиллюстрировать на примере высказываний А. Гордона, сделанных в его книге «История Петра Великого». А. Гордон был не просто лоялен к православию, он готов был сближать западное и восточное христианство в догматическом отношении, рассуждая о том, что русские, «все еще сохраняя отвращение к верховенству папы Римского (...), в Символе веры соглашаются с большинством пунктов, кроме положения об исхождении Святого Духа, веря в то, что он должен был во всех отношениях равен Отцу и Сыну» [40, с. 11]. Католик допустил историческую ошибку, написав о том, что «обращение русских произошло после того, как Греческая и Латинская Церкви были разделены» [40, с. 11], однако, повествуя о крещении Руси князем Владимиром, он предпочел не уточнять, какой именно вариант христианства был принят [40, с. 10]. Очевидно, выбор князем византийского обряда не препятствовал А. Гордону осознать совершившееся в X в. приобщение Руси к единой христианской цивилизации.

Верующие московского костела в конце XVII столетия оказали непосредственное, фиксируемое в источниках влияние на выбор путей российской европеизации и внесли ощутимый положительный вклад в реализацию ранних модернизационных планов правительства. Главным образом, этот

вклад прослеживается в военно-технологической и культурно-бытовой сферах. Транслируя свои профессиональные знания и умения, а также имея широкие социальные и международные связи, члены католической общины уже в последней трети XVII в. активно сближали Россию со странами Западной Европы. Начавшаяся масштабная западноевропейская аккультурация верхов русского общества (увы, общества, расколотого в социокультурном плане) в немалой степени выступала следствием данного сближения, происходившего также и в области межконфессиональных отношений. Успешная интеграция католиков в русское общество, их служение интересам России сами по себе стали важнейшими факторами становления веротерпимости и способствовали преодолению «антилатинского синдрома» у представителей элиты, а возможно, и у части простых горожан. Будучи крупными агентами европейского влияния, московские католики еще до первых самостоятельных шагов Петра I своей деятельностью осознанно или интуитивно обозначали вектор будущей трансформации «Московии». Весьма велико было их значение в создании своеобразной социокультурной среды, в которой будущий Петр Великий вызревал как политик.

Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РФФИ научного проекта № 17-31-01011-ОГН «Патрик Гордон и московская католическая община конца XVII в.»

Литература и источники

1. Андреев, А. Н. *Западнохристианские вероисповедания и общество в России XVIII в. : дис. ... д-ра ист. наук / А. Н. Андреев. — Челябинск, 2011. — 712 с.*
2. Андреев, А. Н. *Западнохристианское «зловещие» во взглядах И.Т. Посошкова / А. Н. Андреев, Ю. С. Андреева // XVIII век. — Сб. 26. — СПб.: Наука, 2011. — С. 20—35.*
3. Андреев, А. Н. *Католик Патрик Гордон и русское общество конца XVII столетия / А. Н. Андреев, Ю. С. Андреева // Вопросы истории. — 2018. — № 5. — С. 162—175.*
4. Андреев, А. Н. *Католический приход Петербурга в XVIII в. / А. Н. Андреев // Вопросы истории. — 2014. — № 10. — С. 148—160.*
5. Андреев, А. Н. *Московская римско-католическая община в конце XVII в.: формирование, состав и конфессиональная жизнь / А. Н. Андреев // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. — Т. 17. — 2017. — № 4. — С. 6—16.*
6. Андреева, Ю. С. *Социальный облик московских католиков конца XVII столетия: опыт просопографического исследования / Ю. С. Андреева, А. Н. Андреев // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. — Т. 18. — 2018. — № 3. — С. 6—13.*
7. Бобровский, П. О. *История лейб-гвардии Преображенского полка / П. О. Бобровский. — Т. 1. — СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1900. — XI. — 380 с.*
8. Бруин, К. де. *Путешествие через Московию Корнелия де Бруина / Корнелий де Бруин // Расходная книга Патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану. Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. — Рязань: Александрия, 2010. — С. 370—654.*
9. *Военная энциклопедия : в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого. — Т. 14. — СПб.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. — 549 с.*

¹ Циркулировавшие тогда слухи о желании некоторых вельмож заключить унию не подтверждены [43, с. 63].

10. Военный энциклопедический лексикон : в 14 т. — Т. 4. — СПб. : Тип. штаба военно-учебных заведений, 1853. — [3], 663, 7, [7] с.
11. Военный энциклопедический лексикон : в 14 т. — Т. 8. — СПб. : Тип. штаба военно-учебных заведений, 1855. — [4], 722, 7, [5] с.
12. Гордон, П. Дневник, 1690—1695 / Патрик Гордон ; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова. — М. : Наука, 2014. — 620 с.
13. Гордон, П. Дневник, 1696—1698 / Патрик Гордон ; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова. — М. : Наука, 2018. — 324 с.
14. Демкин, А. В. Западноевропейские купцы в России в XVII в. / А. В. Демкин ; отв. ред. А. А. Преображенский. — Вып. 1. — М. : Ин-т росс. ист. РАН, 1994. — 158 с.
15. Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна // Рождение империи / Неизвестный автор. Иоганн Корб. Иван Желябужский. Андрей Матвеев. — М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 9—20.
16. Дуров, И. Г. Медицинское освидетельствование военных и морских чинов при увольнении в отставку от военной службы при правлении Петра Великого / И. Г. Дуров // Меншиковские чтения. — 2012. — № 3 (10). — С. 21—75.
17. Желябужский, И. А. Дневные записки / И. А. Желябужский // Рождение империи ; Неизвестный автор. Иоганн Корб. Иван Желябужский. Андрей Матвеев. — М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 259—358.
18. Записки де-ла Невилля о Московии 1689 г. / пер. с франц. и предисл. А. И. Браудо // Русская старина. — Т. 71. — 1891. — № 9. — С. 419—450.
19. Карданова, Н. Б. Письма флорентийского купца Франческо Гваскони из Москвы от 25 июня и 17 июля 1696 г. и неизвестный русский оригинал / Н. Б. Карданова // Русский язык и культура в зеркале перевода : материалы междунар. науч. конф. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015. — С. 290—311.
20. Киселева, М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености / М. С. Киселева. — М. : Прогресс-Традиция, 2011. — 472 с.
21. Корб, И. Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гварьента / Иоганн Георг Корб // Рождение империи. — М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 21—258.
22. Лавров, А. С. Василий Васильевич Голицын / А. С. Лавров // Вопросы истории. — 1998. — № 5. — С. 61—72.
23. Микитина, В. В. Художественное стекло Петровской эпохи из собрания Государственного музея керамики «Усадьба Кусково XVIII века» / В. В. Микитина // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова. — 2017. — № 1. — С. 275—282.
24. Орленко, С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение) / С. П. Орленко. — М. : Древлехранилище, 2004. — 344 с.
25. Петрухинцев, Н. Н. Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. / Н. Н. Петрухинцев // Quaestio Rossica. — Т. 5. — 2017. — № 1. — С. 198—218.
26. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии. — Рязань : Александрия, 2010. — 336 с.
27. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1 (1685 г.). Д. 7.
28. РГАДА. Ф. 152. Оп. 1 (1690 г.). Д. 1.
29. РГАДА. Ф. 153. Оп. 1. Д. 51.
30. РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Д. 22.
31. Романюк, С. К. По землям московских сел и слобод / С. К. Романюк. — Ч. 1. — М. : Сварог и К^о, 1998. — 625 с.
32. Таннер, Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. / Бернгард Таннер // ЧОИДР. — М. : Университет. тип., 1891. — Кн. 3. — С. 1—203.
33. Федосов, Д. Г. Примечания / Д. Г. Федосов // П. Гордон. Дневник, 1690—1695. — М. : Наука, 2014. — С. 484—580.
34. Чарыков, Н. В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637—1694) / Н. В. Чарыков. — СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1906. — X, 776 с.
35. Черная, Л. А. «Западники» посольского приказа XVII в. / Л. А. Черная // Древняя Русь и Запад. — М. : На-следие, 1996. — С. 173—174.
36. Черникова, Т. В. Европеизация России во второй половине XV—XVII веках : монография / Т. В. Черникова. — М. : МГИМО-Университет, 2012. — 944 с.
37. Чистович, Я. А. История первых медицинских школ в России / Я. А. Чистович. — СПб. : Тип. Якова Трея, 1883. — [2], VI, 662, CCCLXX с.
38. Шаркова, И. С. Россия и Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. / И. С. Шаркова. — Л. : Наука, 1981. — 208 с.
39. Энциклопедия военных и морских наук : в 8 т. / под ред. Г. А. Леера. — Т. 4. — СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1889. — 659 с.
40. Gordon, A. The history of Peter the Great, Emperor of Russia / Alexander Gordon of Achintoul. — Aberdeen : F. Douglass and W. Murray, 1755. — Vol. 1. — XX, 312 p.
41. Gordon, A. The history of Peter the Great, Emperor of Russia / Alexander Gordon of Achintoul. — Aberdeen : F. Douglass and W. Murray, 1755. — Vol. 2. — VIII, 352, [24] p.
42. Neuville, F. de la. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, contenant l'état present de cet Empire, les expeditions des Moscovites en Crimée en 1689, les causes des dernieres revolutions, leur moeurs et leur religion, le recit d'un voyage de Spatarus par terre à la Chine / Foy de la Neuville. — Paris : Pierre Aubouyn, Libraire de Messieurs les Enfans de France, et Charles Clouzier, Quay des Augustins à la Croix d'Or, 1698. — [13], 234 p.
43. Pierling, P. La Russie et le Saint-Siège: Études diplomatiques / P. Pierling. — Vol. 4. — Paris : Librairie Plon, 1907. — VII, 464 p.

АНДРЕЕВ Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры «Геология, культура и искусство», Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия). E-mail: alxand@yandex.ru

Поступила в редакцию 31 августа 2018 г.

MOSCOW CATHOLICS AND RUSSIAN SOCIETY OF THE LATE 17TH CENTURY

A. N. Andreev, alxand@yandex.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article studies the role of Moscow Catholic Church's parishioners in the development of interfaith relations and analyzes their importance in the formation of Europeanization of Russian society in the late 17th century. Also the article appreciates the contribution of Moscow Catholics to the development of spiritual and material culture of Russia in the context of transforming inter-confessional connections. The author concludes that the Moscow Catholics at the end of the 17th century had a direct influence on the choice of ways of Russian Europeanization (which is recorded by sources) and that they made a positive contribution to the implementation of the government's modernization plans. Before the first independent political steps of Peter the First, being major agents of European influence, Moscow Catholics by their activities consciously or intuitively have marked a vector of the future transformation of "Muscovy". Their importance in creating specific socio-cultural surroundings in which the future Peter the Great ripened as a politician was very great.

Keywords: Roman Catholics, Catholic churches and communities, Moscow in the 17-th century, Europeanization of Russia, foreigners and Russian society.

This work was supported by grant № 17-31-01011 from the Russian Foundation for Basic Research.

References

1. Andreev A.N. Zapadnokhristianskie veroispovedaniya i obshchestvo v Rossii 18 veka: Dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk [The West-Christian confessions and the Russian society the 18-th century: The dissertation of the doctor of historical sciences]. Chelyabinsk, 2011, 712 p.
2. Andreev A.N., Andreeva Y.S. Zapadnohristianskoe "zloverie" vo vzgljadah I.T. Pososhkova [West-Christian "heresy" in I.T. Pososhkov's opinion]. *XVIII vek [XVIII century]*, Issue 26, St.-Petersburg, 2011, pp. 20—35.
3. Andreev A.N., Andreeva Yu.S. Katolik Patrik Gordon i russkoye obshchestvo kontsa XVII stoletiya [Catholic Patrick Gordon and Russian society in the late 17-th century] *Voprosy istorii [Questions of history]*, 2018, № 5, pp. 162—175.
4. Andreev A.N. Katolicheskiy prikhod Peterburga v XVIII veke [Catholic parish of Petersburg in the 18-th century]. *Voprosy istorii [Questions of history]*, 2014, № 10, pp. 148—160.
5. Andreev A.N. Moskovskaya rimsko-katolicheskaya obshchina v kontse XVII veka: formirovanie, sostav i konfessional'naya zhizn' [Moscow Roman Catholic community in the late 17-th century: the formation, composition and religious life]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki» [Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"]*, 2017, vol. 17, № 4, pp. 6—16.
6. Andreeva Yu.S., Andreev A.N. Sotsial'nyj oblik moskovskikh katolikov kontsa XVII stoletiya: opyt prosopograficheskogo issledovaniya [Social image of Moscow Catholics of the late 17-th century: an attempt of prosopographical research]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki» [Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"]*, 2018, vol. 18, № 3, pp. 6—13.
7. Bobrovskiy P.O. Istoriya leib-gvardii Preobrazhenskogo polka [History of the guards of Preobrazhensky regiment]. St.-Petersburg, 1900, XI, 380 p.
8. Bruin K. de. Puteshestvie cherez Moskoviyu Korneliya de Bruina [A journey through Muscovy of Cornelius de Bruin] *Raskhodnaya kniga Patriarshego prikaza kushanyam, podavavshimsya patriarkhu Adrianu. Puteshestvie cherez Moskoviyu Korneliya de Bruina [The account book of the Patriarch's Prikaz on the dishes served to Patriarch Adrian. A journey through Muscovy of Cornelius de Bruin]*. Ryazan: Alexandria, 2010, pp. 370—654.
9. Voyennaya entsiklopediya [The military encyclopedia]. St.-Petersburg, 1914, Vol. 14, 549 p.
10. Voyenniy entsiklopedicheskiy leksikon [Military encyclopedic lexicon]. St.-Petersburg, 1853, Vol. 4, [3], 663, 7, [7] p.
11. Voyenniy entsiklopedicheskiy leksikon [Military encyclopedic lexicon]. St.-Petersburg, 1855, Vol. 8, [4], 722, 7, [5] p.
12. Gordon P. Dnevnik, 1690—1695 [Patrick Gordon. Diary, 1690—1695]. Moscow, 2014, 620 p.
13. Gordon P. Dnevnik, 1696—1698 [Patrick Gordon. Diary, 1696—1698]. Moscow, 2018, 324 p.
14. Demkin A.V. Zapadnoevropeyskiye kuptsy v Rossii v XVII v. [Western European merchants in Russia in the 17-th century]. Moscow, 1994, Vol. 1, 158 p.
15. Dnevnik zverskogo izbieniya moskovskikh boyar v stolitse v 1682 godu i izbraniya dvukh tsarey Petra i Ioanna [Diary of the brutal beating of the Moscow boyars in the capital in 1682 and the election of two tsars — Peter and John] *Rozhdenie imperii [Birth of the Empire]*. Moscow, 1997, pp. 9—20.
16. Durov I.G. Meditsinskoe osvidetel'stvo vannykh i morskikh chinov pri uvol'nenii v otstavku ot voennoy sluzhby pri pravlenii Petra Velikogo [Medical examination of military and marine employees for dismissal from military service under Peter the Great] *Menshikovskie chteniya [Menshikov's readings]*, 2012, № 3 (10), pp. 21—75.
17. Zhelyabuzhskiy I.A. Dnevnye zapiski [Days' notes] *Rozhdenie imperii [Birth of the Empire]*. Moscow, 1997, pp. 259—358.
18. Zapiski de-la Nevillya o Moskovii 1689 g. [Neuville's notes about Muscovy 1689] *Russkaya starina [Russian olden days]*, 1891, Vol. 71, № 9, pp. 419—450.
19. Kardanova N.B. Pis'ma florentiyskogo kuptsa Franchesko Gvaskoni iz Moskvyy ot 25 iyunya i 17 iyuliya 1696 g. i neizvestnyi russkiy original [Letters Florentine merchant Francesco Guasconi from Moscow on June 25 and July 17, 1696 and an

unknown Russian original] *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda [Russian language and culture in the mirror of translation]*. Moscow, 2015, pp. 290—311.

20. Kiseleva M.S. Intellektual'nyy vybor Rossii vtoroy poloviny XVII — nachala XVIII veka: ot drevnerusskoy knizhnosti k evropeyskoy uchyonosti [Russian intellectual choice of the second half of the 17-th century — early 18-th century: from ancient Russian book culture to European scholarship]. Moscow, 2011, 472 p.

21. Korb I.G. Dnevnik puteshestviya v Moskovskoe gosudarstvo Ignatiya Khristofora Gvarienta [Travel diary in Moscow state of Ignatius Christopher Guarient] *Rozhdenie imperii [Birth of the Empire]*. Moscow, 1997, pp. 21—258.

22. Lavrov A.S. Vasily Vasilyevich Golitsyn *Voprosy istorii [Questions of history]*, 1998, № 5, pp. 61—72.

23. Mikitina V.V. Khudozhestvennoe steklo Petrovskoy epokhi iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeyu keramiki “Usad’ba Kuskovo XVIII veka” [Art glass of Petrine epoch from the collection of the State Museum of Ceramics “The manor Kuskovo of the 18-th century”] *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda [Decorative art and the object-spatial environment]*, 2017, № 1, pp. 275—282.

24. Orlenko S.P. Vykhodtsy iz Zapadnoy Evropy v Rossii XVII veka {pravovoy status i real'noe polozhenie} [Immigrants from Western Europe in Russia in the 17-th century (the legal status and real conditions)]. Moscow, 2004, 344 p.

25. Petrukhintsev N.N. Ranneye evropeyskoe vliyaniye na Petra I: Patrik Gordon i Frantz Lefort v kontse XVII veka [Early European influence on the Peter the Great: Patrick Gordon and Franz Lefort at the end of the 17th century] *Quaestio Rossica*, 2017, Vol. 5, № 1, pp. 198—218.

26. Pis'ma i doneseniya iezuitov o Rossii kontsa 17 i nachala 18 vekov. Irzhi David. Sovremennoe sostoyaniye Velikoy Rossii, ili Moskovii [Letters and reports of Jesuits about Russia of the end of 17-th and the beginnings of 18-th centuries. Irzhi David. The modern condition of Great Russia or Moscovia]. Ryazan: Alexandria, 2010, 336 p.

27. Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts (further — RSAAA)]. F. 150. Op. 1 (1685 year). File 7.

28. RSAAA. F. 152. Op. 1 (1690 year). F. 1.

29. RSAAA. F. 153. Op. 1. F. 51.

30. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. F. 1646. Op. 1. File 22.

31. Romanyuk S.K. Po zemlyam moskovskikh siol i slobod [The lands of Moscow villages and settlements]. Moscow, 1998, Part 1, 625 p.

32. Tanner B. Opisanie puteshestviya pol'skogo posol'stva v Moskvu v 1678 g. [Description of the journey of the Polish Embassy in Moscow in 1678] *Chteniya v Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh [Readings in Society of Russian History and Antiquities]*. Moscow, 1891, Book 3, pp. 1—203.

33. Fedosov D.G. Primechaniya [References] *Gordon P. Dnevnik, 1690—1695 [Patrick Gordon. Diary, 1690—1695]*. Moscow, 2014, pp. 484—580.

34. Charykov N.V. Posol'stvo v Rim i sluzhba v Moskve Pavla Menezziya (1637—1694) [The Embassy in Rome and the service in Moscow of Paul Menzies (1637—1694)]. St.-Petersburg, 1906, X, 776 p.

35. Chernaya L.A. “Zapadniki” posol'skogo prikaza XVII veka [“Westernizers” of Posolsky Prikaz in the 17-th century] *Drevnyaya Rus' i Zapad [Ancient Russia and the West]*. Moscow, 1996, pp. 173—174.

36. Chernikova T.V. Evropeizatsiya Rossii vo vtoroy polovine XV—XVII vekakh [Europeanization of Russia in the second half of the 15-th — 17-th centuries]. Moscow, 2012, 944 p.

37. Chistovich Ya.A. Istoriya pervykh meditsinskikh shkol v Rossii [History of the first medical schools in Russia]. St.-Petersburg, 1883, [2], VI, 662, CCCLXX p.

38. Sharkova I.S. Rossiya i Italiya: torgovye otnosheniya XV — pervoy chetverti XVIII v. [Russia and Italy: The trade relations in the 15-th — first quarter of the 18-th century]. Leningrad, 1981, 208 p.

39. Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk / G.A. Leer [Encyclopedia of military and sea sciences]. St.-Petersburg, 1889, Vol. 4, 659 p.

40. Gordon A. The history of Peter the Great, Emperor of Russia / Alexander Gordon of Achintoul. Aberdeen: F. Douglass and W. Murray, 1755, Vol. 1, XX, 312 p.

41. Gordon A. The history of Peter the Great, Emperor of Russia / Alexander Gordon of Achintoul. Aberdeen: F. Douglass and W. Murray, 1755, Vol. 2, VIII, 352, [24] p.

42. Neuville F. de la. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie [Interesting relation and news of Muscovy]. Paris: Pierre Aubouyn, Libraire de Messieurs les Enfants de France, et Charles Clouzier, Quay des Augustins à la Croix d'Or, 1698, [13], 234 p.

43. Pierling P. La Russie et le Saint-Siège: Études diplomatiques [Russia and the Papacy : Diplomatic studies]. Paris : Libraire Plon, 1907, Vol. 4, VII, 464 p.

Received August 31, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Андреев, А. Н. Московские католики и русское общество конца XVII века / А. Н. Андреев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18, № 4. — С. 6—14. DOI: 10.14529/ssh180401

FOR CITATION

Andreev A. N. Moscow Catholics and Russian society of the late 17th century. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 4, pp. 6—14. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180401